

Чалмаев В.А.

«Мысль семейная» Натальи Мелеховой

«Мысль семейная» Натальи Мелеховой разворачивается не в идиллическом мире покоя, устойчивости быта, а в сложном поединке с судьбой, с «годиной смуты и разврата». Она, оскорбляемая и часто унижаемая роковой отрешенностью от нее Григория, то униженно вымаливает его у Аксиньи, то бунтует, уходит из дома Мелеховых, покушается на свою жизнь. Вероятно, любой читатель «Тихого Дона» не раз будет изумлен редкой естественностью, соотнесенностью решений, сюжетных поворотов и живого характера того или иного героя.

Наталья то уходит из дома Мелеховых к отцу, то вновь возвращается брошенной женой из родного дома в дом свекра. И все эти поступки, несмотря на непоследовательность, лишь усиливают ее цельность, верность идее семьи, дома.

Поистине гениальное, а не мелочно-бытовое понимание человеческой души обнаруживает Шолохов в этих эпизодах уходов-возвращений. «Я, батя, пришла... Коль не прогоните, останусь навовсе у вас», — нелегко даются Наталье эти слова.

Вещий инстинкт подсказывает ей: в доме свекра она еще дождется возвращения неверного, но любимого ею мужа, восстановит святыню, сейчас разрушенную семью, обретет то, о чем мечтает, — детей. Ведь тут, у Мелеховых, ей сами стены помогают: ее союзником, да еще таким серьезным, становится и свекор Пантелей Прокофьевич, домостроитель, собиратель гнезда, и суровая, многое пережившая Ильинична. Наталья ощущает, что становится сильнее, опираясь на их традиции, их чувство гнезда. А вне дома Мелеховых, да еще в годы всеобщей отчужденности, удешевления самой жизни, она обречена на вечное одиночество, сиротство, явно лишена надежд на материнство, беззащитна. Поразительна эта эпическая высота психологических прозрений Шолохова. И как возвеличена благодаря Наталье идея дома, всей спасительной домашней ячейки человеческого бытия!

Всякое насилие, разрушительство быстро истощается, показывает свое бесплодие, а вот идея жизни Натальи, ее путь к созданию семейного гнезда, дома — даже после поражений — лишь крепнет. Наталья на какое-то время побеждает «разлучницу» Аксинью талантом верности, терпения. Ее душа — самая крепкая ограда для всего дома Мелеховых. Это, кстати говоря, тонко чувствует и Пантелей Прокофьевич, и старая Ильинична, нашедшие в невестке надежную союзницу в борьбе за домашний очаг как одну из высших морально-этических ценностей. Рождение двойни — последний великий подарок судьбы и Пантелею Прокофьевичу, и Наталье — одно из самых ярких мгновений всей эпопеи. Это последний дар уходившей, сломавшейся эпохи, «дар батюшки Дона Ивановича».

Может быть, Наталья многого не понимает в душевных муках Григория, в его переживаниях, в невольных «отступлениях» от норм дома, семьи. Григорий искренен, открыт в самооправданиях перед женой. Он признает, что ему, теряющему точку опоры, трудно жить «без забытья»: «Трудно мне, через это и шарить, чем забыться: водкой ли, бабой ли»... У Натальи один резон, один ответ — с позиций семьи, зыбкого гнезда человеческого: «Напакостил, обвиноватился, а теперь все на войну беду сворачиваешь. Все вы такие-то». И трудно не содрогнуться от ощущения великой искренности, чистоты всей ее борьбы за свое достоинство. И Наталья, и Ильинична проходят перед читателем «Тихого Дона» как героини, до конца верные материнскому призванию, чувству женского достоинства.

Наталья погибает в тот момент, когда она не просто отказалась от идеи материнства, но самым злым, мстительным образом растоптала, разрушила свою идею, стержень харак-

тера. И как гениально выбран был собеседник Натальи, свидетель ее душевного кризиса: им стала Ильинична, человек, глубоко родственный ей, мать Григория, впервые не нашедшая слов для оправдания сына, для опровержения правоты Натальи. Ильинична смогла лишь убедить Наталью не проклинать Григория, не желать ему смерти. Отказаться от рокового решения — «родить от него больше не хочу» — Наталья не смогла: слишком уж оскорблена, унижена была идея верности, чистоты — ее идея жизни.

Перечитайте неспешно одну из самых гениальных по степени проникновения в человеческую душу в ее предельно трагическом состоянии, в ее отчаянии сцену изложения последнего послания Натальи Григорию. После похорон Натальи малолетний Мишатка, неловко обняв отца, вскарабкавшись к нему на колени, поцеловав его как-то торжественно, с глазами, затуманенными от непосильной еще его сердцу миссии, так передал последнюю просьбу и волю матери:

«— Маманька, когда лежала в горнице... Когда она ишо живая была, подозвала меня и велела тебе так: “Приедет отец — поцелуй его за меня и скажи, чтобы он жалел вас”. Она ишо что-то говорила, да я позабыл...»

Никакой риторики, пышнословия, сплошное умолчание («она ишо что-то говорила») — и такой сложный узел человеческих отношений! Отголосок любви к Григорию, печаль за детей, возможно, позднее раскаяние в своем порыве мстить, надежда на доброе воспоминание о себе... «Посланец» Натальи плохо выполнил ее поручение, он забыл «что-то». Но мы, читатели, не хотим иных посланцев, мы испугались бы их многословной «философской» болтовни.

И не важно, что, может быть, сразу же после своего сообщения тот же Мишатка убежит играть на Дон, на улицу. Он бегло, невнимательно сказал нечто важное, но всех в доме обступила мука не чужого, а личного горя, горькая тоска от запоздалого понимания взрослыми друг друга, от неожиданного, с помощью Мишатки, пересечения двух «я». На ком выместить теперь Григорию свою обиду, — ведь до его души дошло вечное, неопровержимое «послание-упрек» Натальи...